

НЕОРДИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ЯПОНИИ*

Монография американского автора Джеймса Л. Мак-Клейна, весьма объемная по своим размерам, охватывает большой промежуток времени — с начала XVII в., когда у власти в Японии утвердился сегунат Токугава, до начала XXI в. Она насыщена проблематикой, оригинальным подходом, тщательно разработанной концепцией, сложившейся у исследователя. Ее отличительная черта — раскованность и свобода изложения, чего часто не хватает японским историкам, во многом все еще скованным материалистической парадигмой, которая предопределяет изложение материала от базиса к настройке.

Автору рецензируемой монографии ближе подход к истории Японии с позиций политической культуры, он выражает свое научное кредо: «...У меня выработался свой подход к изучению истории Японии. Его основные положения состоят в следующем: избегать стереотипов и пытаться понять ценности и способ мышления, заставляющие японцев поступать так или иначе; оценивать наследие прошлого, но не забывать при этом, что история постоянно вынуждала людей принимать решения, способные самым радикальным образом изменить направление развития; при рассмотрении последствий тех или иных поступков обязательно учитывать мотивацию людей, принимавших участие в событиях; помнить, что историю Японии можно понять, несмотря на некоторые странные ее проявления; и всегда держать в голове, что не существует уникальной модели поведения и что другие народы могут находить удовлетворение в таком стиле жизни, который сильно отличается от нашего» (с. 19).

Отрадный факт для отечественного японоведения — это перевод издательствами современной литературы, а не исследований двадцати-тридцатилетней давности. Естественно, что так легче судить о достижениях современного англоязычного японоведения, в котором ведущее место занимает американское.

Об оригинальности изложения истории Японии в монографии Джеймса Л. Мак-Клейна свидетельствует, в частности, тот факт, что каждой главе предшествует хронологическая таблица, в которой обозначены наиболее важные события описываемой эпохи. Это позволяет создать событийную канву, по которой легче судить о ходе развития японской истории.

Обращает на себя внимание и авторское решение проблем, одной из которых является вопрос о формировании в Японии нации. Точка зрения Мак-Клейна сводится к тому, что японцы ощущали себя нацией уже в начале XIX в. (с. 124). Формированию японской нации способствовала политика сегуната Токугава: «Политика Токугава привела к возобновлению границ, которые отделяли японцев от тех, кто ими не является» (с. 163). Между тем вопрос о том, когда в Японии сформировалась нация, является довольно спорным. Из всех азиатских государств к моменту столкновения с европейской цивилизацией Япония была ближе всего к типу наций-государств, которые образовались в Европе в эпоху позднего феодализма. Но категорически утверждать, что в Японии к этому времени сложилась единая нация, было бы чересчур поспешным. У Мак-Клейна идет ссылка на героев популярного романа начала XXI в. «На своих на двоих» (1802 г.), которые говорят, что «у уроженцев Эдо не может быть предубеждения против сладкого картофеля из Сацума» (с. 124).

В российской исследовательской литературе идея о том, что к середине XIX в. в Японии сложилась нация, считается само собой разумеющейся. В частности, академик Н.И. Конрад, оценивая Мэйдзи исин (1868 г.), писал, что «к этому времени японское общество уже сложилось в то целое, которое на этом этапе социального развития истории называется нацией» (Конрад Н.И. Столетие японской революции. М.: Наука, 1974, с. 195). Между тем в японской историографии этот вопрос не решается столь однозначно. В сравнительно недавно вышедшей монографии «Мэйдзи исин и национализм» японский историк Миура

* Джеймс Л. Мак-Клейн. От сегуната Токугавы — в XXI век. М: АСТ. Астрель, 2006. 895 с.

Хироси называет японское государство середины XIX в. «национальным протогосударством» (Миура Хироси. Мэйдзи исин-то на се наридзуму. Токио, 1998, с. 5).

Наша точка зрения ближе к позиции Миура Хироси. Представляется, что «ощущение нации в Японии» формируется во второй половине XIX в. после драматического столкновения с европейской цивилизацией, которое едва ли не закончилось превращением Японии в полуколонию европейских государств. Именно в это время усилиями японских политических мыслителей Есида Сеин, Сакума Седзан, Екои Сенан и др. формируется идеология японского национализма, разрабатывается концепция создания единого централизованного японского государства, объединенного не только единой властью, но и ликвидацией партикуляризма, политикой стимулирования промышленного производства, созданием единой армии и т.п. Все это воплощалось в лозунге «Вакон есай» («Японский дух — западная техника») и «Фуоку кесэй» («Богатое государство, сильная армия»).

Кстати, нужно отметить, что лозунг «Богатое государство, сильная армия» во второй половине XIX в. превратился в национальную идею. Об этом свидетельствуют позиции крупнейших японских промышленников и финансистов Ясуда Дэндзио и Сибусава Эйити (с. 346, 338). Они содействовали развитию промышленного производства в Японии, исходя из патриотических соображений. Важно отметить, что в этом случае национальная идея не совпадает с государственной идеологией. Если государственная идеология часто навязывается сверху путем индоктринации населения, что предполагает элемент принуждения, то национальная идея как система неких ценностей разделяется населением спонтанно, и в этом ее эффективность.

Большое внимание автор рецензируемой монографии уделяет эволюции национального характера японцев, совершенно верно выделяет базовые характеристики: «Можно также предположить, что такие традиционные ценности, как дисциплина, жертвенность, бережливость, преданность семье и верность обществу, также не оказались лишними в эпоху перемен» (с. 355). Он прослеживает изменение национального характера японцев и характеризует современную ситуацию: «Молодежь также появлялась на авансцене японской жизни (как считали многие, слишком часто). Ее поведение подрывало традиционные социальные нормы, а преступления, совершаемые ими, приводили общество в ужас. Смущая и нарушая покой одних, внушая веселье и надежду в других, перемены, охватившие общество на рубеже нового тысячелетия, открыли дверь новым обсуждениям проблем пола, семьи, работы и школы» (с. 848).

Американский исследователь отмечает разрушение трудовой этики, присущее современному поколению: «Новое поколение, заявляли критики, презирало принцип, изложенный еще Исидой Байган, мыслителем эпохи Токугава, а затем неоднократно повторенный, что смысл жизни заключается в дисциплине труда. В противоположность этой мудрости, отмечали наблюдатели, квалифицированные рабочие середины 90-х отказывались выполнять работы «трех к», которые они считали «китанай, кицуи, кикэн» («грязными, сложными, опасными»). Недавние выпускники колледжей, проходившие собеседование в качестве претендентов на места служащих, тем временем желали более продолжительных отпусков, отсутствия сверхурочной работы и высоких зарплаток уже сейчас, пока они еще были молодыми» (с. 856). Таким образом, в области трудовой этики в Японии происходят явления, как и в странах Западной Европы, где утрачивает свое влияние традиционная протестантская трудовая этика.

Автор рецензируемой монографии дает ряд оригинальных характеристик ключевым событиям истории Японии. По поводу русско-японской войны он пишет: «Победа над Россией была первой подлинно народной войной Японии. Народные демонстрации отражали гордость за свою страну и ее достижения. Они подтверждали, что жители страны не в меньшей степени, чем олигархи, будут отстаивать ведущие позиции Японии в мире» (с. 441). Возможно, эта оценка несколько преувеличена, однако автор прав в том, что успехи Японии в войне против России были бы невозможны без известного национального консенсуса.

Нужно согласиться с оценкой Мак-Клейна, что Япония «окончательно превращается в империю во время первой мировой войны и в годы послевоенного сотрудничества с западными странами» (с. 473). Он описывает отношение японцев к демократическим

реформам, проводимым американскими оккупационными властями после поражения Японии во второй мировой войне, отмечая, что опустошенные военным временем японцы с легкостью принимали реформы, исходившие от американской администрации.

В целом монографию Мак-Клейна можно оценить по самым высоким меркам. К сожалению, наше отечественное японоведение, несмотря на рывок, который оно сделало в последние полтора десятилетия, все еще отстает от американского. В отечественной историографии пока нет трудов, написанных одним исследователем.

В то же время необходимо отметить, что рецензируемая работа американского автора не свободна от недостатков. Оказывается не только отечественные японоведы, но и американские наступают на одни и те же грабли. Имеется в виду характеристика мятежа в Сага в 1874 г. Они считают, что этот мятеж возглавил крупный правительственный деятель Японии Это Симпэй. Однако версия, сфабрикованная в период мятежа и имевшая целью опорочить Это Симпэй, не соответствует действительности, что давно уже доказано в японской историографии. В 1987 г. японский историк Мори Тосихико издал монографию, в которой на архивных материалах доказал несостоятельность версии о причастности Это Симпэй к мятежу в Сага (см. рецензию на монографию Мори Тосихико, опубликованную в журнале «Россия и АТР». 1993. № 1).

Нельзя также согласиться с недооценкой деятельности Обути Кэйдзо, премьер-министра Японии с 1998 г. по апрель 2000 г. (с. 831—832). В действительности японцы высоко ценили трудоспособность, добросовестность и самоотверженность Обути. Это один из немногих премьер-министров Японии, имевший безупречную репутацию.

Помимо авторских неточностей в монографии имеются досадные ошибки, допущенные переводчиком, который демонстрирует не только некомпетентность, но и недобросовестность (с. 820), автор для характеристики современной семьи использует изобретенный им термин «семья-ядро», в то время как существует общепринятый термин «нуклеарная семья».

Образцов неточного перевода много: «Тайсо» вместо «Тайсе», «Содзан» вместо «Седзан» и т.п.; даже фамилию известного американского японоведа Эдвина Рейшауэра переводчик переделал на японский лад. Справедливости ради следует отметить и некоторые удачи. Например, термин бакуфу, который в отечественной литературе переводится как «полевая ставка», переводчик монографии обозначал как «шатровое правительство», что, безусловно, не лишено оригинальности.

В.В. СОВАСТЕЕВ, доктор исторических наук, профессор